Совещание российских послов в Париже Земгор : деньги и политика (1921-1925)

Oleg V. BUDNICKIJ

Édition électronique

URL : <https://journals.openedition.org/monderusse/9425>

DOI : 10.4000/monderusse.9425

ISSN : 1777-5388

Éditeur

Éditions de l'EHESS

Édition imprimée

Date de publication : 1 décembre 2005

Pagination : 699-718

ISBN : 2-7132-2057-2

ISSN : 1252-6576

Référence électronique

Oleg V. BUDNICKIJ, « Совещание российских послов в Париже Земгор : Деньги и политика (1921-1925) », *Cahiers du monde russe* [En ligne], 46/4 | 2005, mis en ligne le 01 janvier 2005, consulté le 03 septembre 2022. URL : <http://journals.openedition.org/monderusse/9425> ; DOI : <https://doi.org/10.4000/monderusse.9425>

Cet article est disponible en ligne à l'adresse :

http://www.cairn.info/article.php?ID_REVUE=CMR&ID_NUMPUBLIE=CMR_464&ID_ARTICLE=CMR_464_0699

Совещание российских послов в Париже Земгор : Деньги и политика (1921-1925)

par Oleg V. BUDNICKIJ

| Editions de l'EHESS | *Cahiers du monde russe*

2005/4 - Vol 46

ISSN 1252-6576 | ISBN 2713220572 | pages 699 à 718

Pour citer cet article :

– V. BUDNICKIJ O.,

Cahiers du monde russe 2005/4,
Vol 46, p. 699-718.

Distribution électronique Cairn pour les Editions de l'EHESS.

© Editions de l'EHESS. Tous droits réservés pour tous pays.

La reproduction ou représentation de cet article, notamment par photocopie, n'est autorisée que dans les limites des conditions générales d'utilisation du site ou, le cas échéant, des conditions générales de la licence souscrite par votre établissement. Toute autre reproduction ou représentation, en tout ou partie, sous quelque forme et de quelque manière que ce soit, est interdite sauf accord préalable et écrit de l'éditeur, en dehors des cas prévus par la législation en vigueur en France. Il est précisé que son stockage dans une base de données est également interdit.

ОЛЕГ В. БУДНИЦКИЙ

СОВЕЩАНИЕ РОССИЙСКИХ ПОСЛОВ В ПАРИЖЕ И ЗЕМГОР

Деньги и политика (1921-1925)

Деятельность любой благотворительной организации невозможна без денег. Не был исключением и Земско-городской комитет помощи российским гражданам за границей (Земгор). В первые годы его существования основным спонсором Земгора был Совет (Совещание) российских послов в Париже, взявший под свой контроль остатки казенных средств, остававшихся на различных счетах в заграничных банках. Обе организации возникли как вследствие необходимости координировать действия по защите интересов антибольшевистской России и российских беженцев, так и в результате острой политической борьбы внутри эмиграции. Настоящая статья посвящена вопросу о взаимодействии двух организаций в наиболее тяжелый для русской эмиграции период начала 1920-х годов.

Совет российских послов в Париже и «русские деньги» за границей

После окончания гражданской войны за рубежом на различных счетах, контролировавшихся российскими послами и финансовыми агентами (атташе) все еще оставались немалые суммы. Это были остатки от колчаковских «золотых займов» и продажи казенного имущества, заготовленного в период первой мировой и гражданской войн, но так и не отправленного в Россию¹. На эти средства претендовал генерал П. Н. Врангель, считавший себя правопреемником А. В. Колчака и А. И. Деникина и рассчитывавший при помощи заграничных сумм сохранить армию для будущего «весеннего похода».

1. См. О. В. Будницкий, «Дипломаты и деньги. Статья первая, Колчаковское золото», *Диаспора: Новые материалы*, вып. IV, Париж-СПб., 2002, с. 457-508.

Однако не было никаких оснований надеяться, что возобновление боевых действий принесет успех антибольшевистским силам. Левой части русской эмиграции было ясно, что ставка на «военные движения» не оправдалась. Возобновление гражданской войны в России не улыбалось и европейским державам, которые, среди прочего, рассчитывали на возобновление торговых связей с Россией, что должно было способствовать восстановлению их собственной экономики. Премьер-министр Франции, признавшей в августе 1920 г. правительство Врангеля де-факто, А. Бриан заявил, что «генерал Врангель и его представители – частные лица», а распределение средств, ассигнуемых на помощь беженцам, должно осуществляться через общественные организации². Такой организацией стал Земгор, образованный в феврале 1921 г. и возглавлявшийся, как и в прежние времена, кн. Г. Е. Львовым.

В начале февраля 1921 г. в Париже произошел «переворот» и переход «власти» из рук генералов в руки дипломатов. 2 февраля 1921 г. состоялось совещание приехавшего в Европу российского посла в Вашингтоне Б. А. Бахметева, российских послов в Париже В. А. Маклакова и Риме (фактически он постоянно находился в Париже) М. Н. Гирса при участии министра финансов врангелевского правительства М. В. Бернацкого. Совещание решило, что единственным законным органом, представляющим интересы России, может являться Совещание послов; дипломаты констатировали, что с оставлением Крыма власть Врангеля утратила свою легитимность; идея сохранения армии нереалистична, и военнотружущих следует рассматривать в качестве беженцев. Совещание (Совет) послов в Париже стало постоянным органом, а его председателем – старейшина русского дипломатического корпуса М. Н. Гирс. Постановление Совещания было оформлено протоколом 8 февраля 1921 года А. В. Кривошеин, бывший глава врангелевского правительства, назвал происшедшее «пронунциаменто», осуществленным тремя чиновниками Министерства иностранных дел, а Протокол Гирса, Маклакова и Бахметева – «беспримечным документом»³.

Не вдаваясь в подробности, заметим, что дипломаты представляли обстановку гораздо реалистичнее, нежели генералы, и Совещанию послов была суждена на удивление долгая жизнь. Но сейчас нас интересует не политическая, а финансовая составляющая происшедшего. В Протоколе Совещания говорилось:

2. Там же, с. 483-486.

3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), ф. 5885 (П. А. Бурьшкин), оп. 1, д. 2, л. 63. См. Подробнее: О. В. Будницкий, «“Пронунциаменто” трех чиновников Министерства иностранных дел (К истории возникновения Совета российских послов в Париже)», *Зарубежная Россия 1917-1939*, кн. 2, СПб., 2003, с. 9-18; его же, «Дипломаты и деньги...», с. 487-488.

В настоящее время в разных странах Европы имеются казенные суммы, товары и предметы снаряжения в распоряжении различных правительственных агентов. Означенные агенты действуют ныне без общего плана, а также при решении многих вопросов не считают себя вправе принимать решения касательно имеющихся у них казенных ресурсов. Единственным органом, основанным на идее законности и преемственности власти, объединяющим действия отдельных агентов, является Совещение послов. Вместе с этим указанное Совещение при отсутствии других общерусских учреждений принуждено взять на себя ответственность за казенные средства и за порядок их распределения⁴.

Совещением послов для управления русскими активами за границей и распределения средств среди различных эмигрантских организаций был образован Финансовый совет. Председателем его стал Гирс, членами – Маклаков, кн. Г. Е. Львов, Бернацкий, российские послы в США, Японии, а также дипломатический представитель в Великобритании в случае их приездов во Францию. Российские послы в США и Японии принимали решения по тем или иным финансовым вопросам самостоятельно; они не подчинялись Финансовому совету, а сотрудничали с ним. Фактически речь шла только о Бахметеве, ибо посол в Японии В. Н. Крупенский вскоре ушел в отставку, а реальным «хозяином» российских средств в Японии был агент Министерства торговли и промышленности в Токио (выполнявший также обязанности финансового агента) К. К. Миллер.

Средства, находившиеся в распоряжении Финансового совета, поступали из трех основных источников: остатков средств, находившихся в распоряжении Главноуполномоченного по финансово-экономическим делам и финансового агента в Англии К. Е. фон Замена (в январе 1921 г. он ушел в отставку, его сменил В. И. Новицкий), а также сумм, перечислявшихся Миллером, Бахметевым и действовавшим по согласованию с ним финансовым агентом в США С. А. Угетом.

Ко времени образования Финансового совета на счетах Финансового агентства в Лондоне, возглавлявшегося ранее Заменом, числилось £ 147 560. Однако же большинство сумм было связано и в распоряжение Финансового совета поступило £ 56 264,15,10 (последние две группы цифр – шиллинги и пенсы). Из различных источников (от продажи имущества военного ведомства, оплаченного, но не отправленного в Крым угля и др.) поступило также £ 77 673,12,0. Таким образом, в свободном распоряжении Финансового совета имелось за время его существования £ 133 938,7,10.

В тот же период Бахметевым и Угетом были переведены \$ 1 356 000, из которых \$ 556 000 – на заранее оговоренные цели, а остальные суммы пошли на образование различных фондов в распоряжении Финансового совета. К. К. Миллером из средств, хранившихся в Японии, было

4. Чему свидетели мы были: Переписка бывших царских дипломатов: сборник в двух книгах, кн. 2, М., 1998, с. 408.

предоставлено до 1923 – £ 63 430,6,9; за первую половину 1923 перебравшийся в Париж Миллер на гуманитарные цели предоставил 1 201 752 франка. С июля 1923 по июнь 1924 им было предоставлено на сметные ассигнования гуманитарным организациям – 2 400 000 франков, на сверхсметные надобности – 150 000 франков и добавлено еще из образовавшейся у него экономии из-за разницы курсов – 126 000 франков, а всего – 2 676 000 франков⁵.

Средства, находившиеся в распоряжении Финансового совета, тратились по трем основным статьям: на помощь беженцам, на культурно-просветительные цели и на пособия, для чего были образованы специальные фонды.

Нам удалось обнаружить 49 протоколов заседаний Финансового совета и извлечения из еще двух. На заседаниях принимались решения иногда об ассигновании миллионов франков, иногда – совсем небольших сумм. Протоколы отчетливо отражают как постепенно – употребим банальное, но точное сравнение: подобно шагреневой коже – сокращались находившиеся в распоряжении дипломатов средства. Эти документы лишь отчасти отражают кипение страстей, борьбу интересов различных эмигрантских организаций за которыми стояли судьбы десятков тысяч изгнанников.

Денег, конечно, остро не хватало. По расчетам Земгора на помощь беженцам требовалось ежемесячно около восьми миллионов франков. Финансовый совет мог лишь констатировать «полное несоответствие имеющихся, в настоящее время, в наличности, средств у казны с той потребностью, которая заявлена Земским и Городским Комитетом». Совет, в поисках дополнительных средств, считал необходимым «принять возможно энергичные меры к реализации некоторых казенных активов». Правда, казенное имущество, в частности, суда, находились под контролем французского правительства и Совет просил князя Львова вступить с ним в переговоры с тем, чтобы вырученные от продаж средства были направлены на оказание помощи беженцам. Совет решил также связаться с торговым агентом в Лондоне А. С. Остроградским «для ускорения начала ликвидации находящихся в Лондоне казенных товаров: шерсти, табака, вина и поташа»⁶.

Оба источника оказались малоперспективными. Во-первых, казенного имущества, представлявшего коммерческую ценность, оставалось не очень много, во-вторых, французское правительство предпочитало компенсировать за счет его продаж средства, потраченные им на содержание беженцев крымской эвакуации. Что же касается Остроградского, то он

5. Выписка из Протокола № 95 заседания Финансового совета 14 июня 1924, Leeds Russian Archive (далее – LRA), Zemgor Collection. Мы не даем более точных отсылок, так как описание коллекции Земгора в Русском архиве в Лидсе еще не завершено.

6. Протокол Финансового совета № 5 от 24 февраля 1921 г., Bakhmeteff Archive of Russian and East European History and Culture, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University, Boris Bakhmeteff Collection (далее – BAR), Box 49.

заявил, что будет передавать деньги, вырученные от продажи находящихся под его контролем товаров, непосредственно Врангелю.

Финансовый совет и Земгор: сотрудничество и конфликты

Дипломаты, не имевшие ни достаточного опыта, ни специального аппарата для распределения средств, были рады переложить эти заботы на плечи Земгора. Заботам Земгора были поручены казенные грузы, вывезенные в свое время из Новороссийска в Швецию; через Земгор было решено перевести £ 20 000 в Константинополь на помощь армии. Земгору должны были быть переданы \$ 75 000, «которые имеют поступить из Соединенных Штатов». «В целях объединения отчетности» на счета Земгора был зачислен миллион франков, полученный различными общественными организациями из США после публикации в январе 1921 г. воззвания о помощи русским беженцам. На «заключение» кн. Львова передавалась смета другой благотворительной эмигрантской организации – Российского общества Красного Креста⁷. Финансирование деятельности Красного Креста также поначалу осуществлялось через Земгор⁸.

Аппарат Земгора предполагали использовать не только для помощи беженцам, но и для поддержки восставших против советской власти в России, для оказания помощи населению освобожденных от большевиков районов. Надежды на скорое падение власти большевиков возникли в связи с восстанием в Кронштадте в марте 1921 г. В распоряжение кн. Львова были переведены 100 000 франков «для нужд восставших против советской власти в Пскове и его районе»; Земгору были также ассигнованы 400 000 франков из остатка от сумм, поставленных в распоряжение Финансового совета Б. А. Бахметевым. Последнюю сумму предполагалось направить на закупку продовольствия для освобожденных от советской власти районов⁹.

Однако идиллия в отношениях Совета послов и Земгора вскоре кончилась. Военные возмутились тем, что 1 000 000 франков, предназначавшийся беженцам крымской эвакуации, застрял в земгоровских структурах. Финансовый совет потребовал от кн. Львова объяснений и признал их неудовлетворительными, сочтя, что порядок расходования средств «не вполне отвечал предположениям, имевшимся в виду в заседании Финансового совета»¹⁰.

7. Протокол Финансового совета № 2 от 16 февраля 1921 г. и Протокол Финансового совета № 7 от 28 февраля 1921 г. соответственно, BAR, box 49.

8. В. А. Маклаков – Б. А. Бахметеву, 15 апреля 1921 г., «Совершенно лично и доверительно!». *Переписка 1919-1951*, ред., авт. вступит. статьи и комментариев О. В. Будницкий, в 3 т., т. 1, М.-Стэнфорд, 2001-2002, с. 355.

9. Протокол Финансового совета № 10 от 11 марта 1921 г., BAR, box 49.

10. Протокол Финансового совета № 13 от 29 марта 1921 г., BAR, box 49.

Дипломаты, также как и лидер Земгора, считали необходимым перевод армии на беженское положение. Послы, как будто противопоставившие себя Врангелю, придерживались разных политических взглядов и, соглашаясь в принципе с необходимостью перевода армии на беженское положение, весьма различно оценивали сроки, в какие это будет возможно сделать. Самый правый член Совета послов Гирс был, пожалуй, наиболее лоялен по отношению к генералу и армии. Не был категоричен и Маклаков, хотя его отношение к Врангелю резко изменилось – от безоговорочной поддержки и даже восхищения после поездки в Крым в сентябре 1920 г., до признания генерала авантюристом, когда выяснилось, что его заявления о неприступности Крыма были блефом.

На скорейшем окончании врангелевской эпопеи настаивали Бахметев и Львов. Однако если Совет послов хотел осуществить операцию по переводу армии на беженское положение достаточно мягко, то Львов, выражавший в данном случае мнение левого крыла эмиграции, стремился «ликвидировать» врангелевское воинство как можно скорее. Простейшим способом было сокращение финансирования, на чем постоянно и настаивал князь¹¹. Львов жаловался Бахметеву, главному спонсору Финансового совета и самому левому из послов на «нетвердость» «политического направления Совецания послов в вопросе об армии» и сетовал на то, что никакого ясного заявления о его политической позиции сделано не было. Бахметев соглашался, что «вредный реакционный характер всей организации, окружающей Врангеля, выяснился с полной очевидностью» и считал, что «сохранение этой организации представляет собой серьезную политическую опасность»¹².

Армия Врангеля, несмотря на признание дипломатами безнадежности попыток ее сохранения, а также беженцы крымской эвакуации, оставались основными реципиентами помощи как со стороны Финансового совета, так и хранителей государственных средств в США и Японии. Бахметев к июню 1921 перевел – как напрямую, так и через Финансовый совет – на «беженцев Врангеля» \$ 1 300 000. «Недурненькая сумма, в общем брошенная в воду, так как мы сейчас стоим у того же разбитого корыта, где стояли в декабре», – комментировал положение российский посол в Вашингтоне в письме к Маклакову¹³.

11. Так, если в начале апреля Финансовый совет решил перевести в Константинополь, «имея в виду тяжелое положение чинов Армии, создавшееся в связи с принимаемыми французскими властями мерами к переводу офицеров и солдат на чисто беженское положение и к расселению их по различным странам, а также принимая во внимание приближение праздников Св. Пасхи» 800 000 франков, то Львов остался при особом мнении, полагая, что хватит и 500 000, Протокол Финансового совета № 15 от 5 апреля 1921 г., BAR, box 49.

12. Б. А. Бахметев – Г. Е. Львову, 14 июня 1921 г., LRA, Zemgor Collection.

13. «Б. А. Бахметев – В. А. Маклакову, 8 июня 1921», *«Совершенно лично...»*, т. 1, с. 387-388.

Напряженность в отношениях между Советом послов и Земгором, возникшая вследствие различного понимания методов расходования и учета средств, усугублялась непростыми личными отношениями между Маклаковым и Львовым, не испытывавшими, мягко говоря, теплых чувств друг к другу. Маклаков не мог забыть князю, что тот, в бытность председателем Временного правительства, провел на обещанные ему посты своих людей. Маклаков, фигурировавший в нескольких списках будущего правительства в качестве министра юстиции, уступил эту должность А. Ф. Керенскому (что можно было объяснить необходимостью политического компромисса с Советом рабочих и солдатских депутатов, заместителем председателя которого был Керенский). Однако, будучи избранным председателем Юридического совещания Маклаков, по просьбе Львова, уступил этот пост Ф. Ф. Кокошкину, которому он был обещан ранее. Львов предложил Маклакову «взамен» должность председателя Совещания по выработке положения о выборах в Учредительное собрание, однако в итоге и этот пост достался Кокошкину¹⁴. К тому же «законника» Маклакова смущало слишком вольное, как ему казалось, обращение Земгора с казенными деньгами.

Внутренние конфликты в Финансовом совете отразились в переписке, которую вели с Бахметевым Маклаков и Львов. Маклаков был интеллектуально, вероятно, самым близким к Бахметеву человеком. Они сдружились во время пребывания Бахметева в Париже в период Мирной конференции и вели откровенную и интенсивную переписку¹⁵. С другой стороны, политически Бахметеву из «парижан» был ближе всего Львов. Бахметев искренне восхищался личностью Львова и даже усматривал в нем нечто близкое к святости.

Параллельное чтение переписки Бахметева с Львовым и Маклаковым дает «стереоскопическую» картину происходившего в «верхах» русского Парижа. Маклаков, анализируя итоги деятельности «львовского комитета» за три месяца, пришел к выводу, что Земгор сохранил все черты, свойственные этой организации в дореволюционное время: искусство получать деньги и не давать в них отчета, то, что Земгор никогда не брал на себя полной ответственности ни за одну отрасль, что давало ему возможность приписать достижения себе, а недостатки свалить на кого-нибудь другого, партийный подбор персонала, «кормление около них разнообразных представителей общественности». «Ничего не изменилось с тех пор, – констатировал Маклаков, – относительно нас эта организация

14. «В. А. Маклаков – Б. А. Бахметеву, 10 декабря 1921 г.», *«Совершенно лично...»*, т. 2, с. 110-113.

15. См. О. В. Будницкий, «Послы несуществующей страны», *«Совершенно лично...»*, т. 1, с. 16-114.

продолжает прежнюю политику: вытянуть у нас все деньги, какие возможно, не давая в них отчета»¹⁶.

Маклаков стал нарушителем спокойствия, заявив, что уйдет из Совещания послов, если прежняя система ассигнований будет продолжаться. Гирс и Маклаков устроили с Львовым «частное совещание», потребовав от него отчета. Наконец отчет был представлен. Оказалось, что из пяти с лишним миллионов франков, переданных к тому моменту Земгору, было израсходовано менее двух; что из первого миллиона франков, переданного для отправки на Балканы на самом деле было отправлено 400 000, а остальные пока что находились в кассе Земгора; что питанием и медицинской помощью беженцам занимаются французские власти и Красный Крест (причем расходы Красного Креста включаются в увеличенном размере в смету Земгора); что Земгор занимается преимущественно «невесомой» культурно-просветительной деятельностью, трудовой помощью, выдачей ссуд и т.п.¹⁷

Маклаков оговаривался, что не обвиняет земгоровцев в расхищении казенных сумм (хотя не исключал отдельных злоупотреблений). Однако указывал на нерациональные траты денег, нередко направленных на удовлетворение нужд самого Земгора. Так, Земгор с целью «трудовой помощи» приобрел типографию, что позволило трудоустроить 12 человек. Главным мотивом была, по мнению Маклакова, необходимость «пристроить какого-нибудь Т. И. Полнера». Маклаков подчеркивал, что использует имя Полнера, ближайшего сотрудника (и будущего биографа) кн. Львова «как нарицательное». Другой, еще более разительный пример – приобретение Земгором имения, по слухам, за 300 000 франков, которое должно было стать «колонией» для земских служащих. Когда Маклаков попросил Львова разъяснить эту «сплетню», то оказалось, что это вполне реальный план, а средства на покупку будут взяты из собственных средств Земгора. «Но их собственные деньги – это остатки от прежних ассигнований», – негодовал Маклаков. Львов согласился, что покупка имения несвоевременна, заверив посла, что это всего лишь проект, далекий от осуществления¹⁸. Заметим, что вскоре имение было все-таки куплено, что доставило Земгору и лично Львову массу неприятностей.

Финансовый совет с апреля 1921 г. изменил порядок финансирования, предложив, чтобы сметы представлялись Земгором и Красным Крестом совместно, «с полным согласованием расходов». Это означало, что деньги

16. «В. А. Маклаков – Б. А. Бахметеву, 15 апреля 1921 г.», *«Совершенно лично...»*, т. 1, с. 355.

17. Там же, с. 357-358.

18. Там же, с. 356-357.

будут теперь направляться Красному Кресту непосредственно, а не через Земгор¹⁹.

Львов жаловался Бахметеву на послов, намекая, что за спорами по финансовым вопросам скрываются политические разногласия. Бахметев писал князю в апреле 1921 г.:

Я чувствую, что Вам иногда трудно в Финансовом совете, и не только по делам чисто практического характера, где наш друг Васенька придумывает всяческие юридические затруднения – таков характер этого баловня судьбы – но и подчас по соображениям политического свойства²⁰.

Львов стремился устранить посредничество Финансового совета и получать деньги от Бахметева напрямую. Маклаков, в свою очередь, предостерегал против этого своего коллегу в Вашингтоне. Подчеркивая, что в Земгоре «нет растрат и злоупотреблений в прямом смысле», Маклаков усматривал в деятельности львовской организации «кумовство, швыряние деньгами, лицепрятие, и все то, что среди голодающей и обремененной публики дает повод говорить о панаме»²¹.

Бахметев, однако, вполне справедливо возложил ответственность за создавшуюся ситуацию не только на Земгор, но и на Финансовый совет, недоумевая, почему не были сформулированы четкие правила предоставления отчетности, переданы и потрачены за четыре месяца все переведенные им \$ 400 000 и т.п. Бахметев признавал, что Земгор «разделяет участь всех других русских организаций и не обладает особой действенностью и хозяйственностью» и признавал обоснованность критики деятельности Земгора Маклаковым. Однако задача послов – «не обвинять только, – полагал он – а делать практическую работу». В качестве практической меры Бахметев потребовал, чтобы дальнейшие ассигнования утверждались только с его согласия и настаивал на «бюджетно-отчетном ведении финансового хозяйства»²².

Львов, в свою очередь, в письмах к Бахметеву обвинял послов в «самокормлении». Он сетовал на «обильный душ грязного дождя из черной тучи Гучкова, Маклакова и К°», который ему приходится принимать. «И обидно же мне и больно соединять эти два имени вместе, но что же делать – такова действительность. Дошел Вася до уровня Гучкова»²³.

Бахметев соглашался с мнением Львова «относительно последней фазы врангелианской эпопеи. Давно в России не было ничего более жалкого и

19. Протокол Финансового совета № 20 от 27 апреля 1921 г., BAR, box 49.

20. Б. А. Бахметев – Г. Е. Львову, 22 апреля 1922 г., LRA, Zemgor Collection.

21. «В. А. Маклаков – Б. А. Бахметеву, не позднее мая 1921 г.», «Совершенно лично...», т. 1, с. 370.

22. «Б. А. Бахметев – В. А. Маклакову, 8 июня 1921 г.», «Совершенно лично...», т. 1, с. 383-385.

23. Г. Е. Львов – Б. А. Бахметеву, 24 июля 1921 г., BAR, box 5.

бесполезного». Ультиматум, предъявленный Врангелю французскими властями, требовавшими немедленного перевода армии на беженское положение под угрозой прекращения выдачи продовольственных пайков, подтверждал предсказание Бахметева, что, «если мы сами не возьмем в свои руки ликвидацию армии, то ликвидация эта будет совершена катастрофическим порядком самими державами, без нашего согласия». «Не знаю, во что практически выльется вся эта эпопея, – заключал Бахметев, – но хочу надеяться, что наши образумятся»²⁴.

Однако посол остался тверд и в отношении дополнительных ассигнований: «В течение долгого времени у нас не будет источников иностранной валюты и потому те крохи, которые остались, надо беречь, как зеницу ока»²⁵, и в том, что финансирование и координация помощи беженцам должны осуществляться через коллегия дипломатов:

Я вижу признаки развала и разложения и прихожу к заключению, что те постройки, которые были созданы в Париже, в значительной мере при моем содействии, оказались непригодными для жилья. Париж, если не вся русская Европа, представляются мне, в значительной мере, разбитым корытом, и я нахожусь в большом затруднении – как дальше действовать? – Трагичность вопроса для меня заключается в том, что, по целому ряду формальных и политических соображений, я не вижу возможности возведения иной конструкции, помимо той, которую мы создали в виде Финансового совета при посредстве Совета послов. Я не могу сойти с этого пути²⁶.

Через две недели Бахметев вновь подтвердил свою приверженность «конституции», выработанной при его участии в Париже:

Я очень хорошо сознаю недостатки действующих учреждений и практические минусы той организации, которую с таким трудом удалось создать во время моего пребывания в Париже. Но, считаясь с обстоятельствами, я не вижу никакого иного исхода. Необходим известный легитимизм и нет возможности придумать какой-либо другой орган, который более авторитетно и с большим правом представлял бы собою политический и административный финансовый центр²⁷.

Земгор подвергся критике не только изнутри Финансового совета, но и извне – со стороны Объединения земских и городских гласных во Франции, отказавшегося войти в состав львовского Земгора. Объединение возглавлялось кн. Н. Б. Щербатовым, видную роль играл А. И. Гучков. Руководители Объединения придерживались более правых политических взглядов, нежели деятели Земгора. Щербатов обратился к Гирсу с требованием направлять деньги непосредственно русским благотворительным организациям, минуя Земгор, а также провести

24. Б. А. Бахметев – Г. Е. Львову, 22 апреля 1921 г., LRA, Zemgor Collection.

25. Там же.

26. Б. А. Бахметев – Г. Е. Львову, 30 мая 1921 г., там же.

27. Б. А. Бахметев – Г. Е. Львову, 14 июня 1921 г., там же.

проверку расходования средств В. В. Вырубовым, управлявшим делами земских организаций за границей и получившим в 1919-1920 гг. от Русского политического совещания и Русской политической делегации в Париже²⁸ значительные средства для помощи беженцам.

Щербатов довел до сведения Гирса постановление Комитета собрания земских и городских гласных во Франции, о том, что Комитет помощи российским гражданам за границей представляет собой «совершенно лишнюю инстанцию, на расходы по содержанию которой уменьшаются ассигнования на помощь беженцам», поэтому Совещанию послов предлагается ассигновать средства непосредственно беженским организациям. «Правые» земцы просили также Совещание послов «произвести полное обследование деятельности Вырубова и его отчетность по казенным средствам за 1919-21 гг.»²⁹.

Гирс отказался пойти на реформирование существующего порядка, мотивируя это тем, что изменение способа ассигнований «в смысле непосредственного заведывания Совещанием послов местными организациями поставило бы Совещание в большое затруднение». Он сообщил также, что ревизия отчетности Вырубова представителями государственного контроля никаких остатков на его счетах не выявила³⁰.

Последнее соответствовало действительности. Проводившие ревизию расходов Вырубова с 3 сентября 1919 по 1 декабря 1921 г. Н. Савич, Н. Ренненкампф и С. Сабин в итоговом акте от 22 января 1922 г. констатировали, что всего в приходе значилось 1 961 022,15 фр. и £ 28 830,5,5. Однако, ввиду того, что в документах не говорилось, каким организациям и сколько средств причиталось, по словам ревизоров,

судить о правильности произведенного В. В. Вырубовым разассигнования не представляется возможным, само же производство расходов [...] подтверждается справками и расписками соответствующих учреждений в

28. Русское политическое совещание (РПС), состоявшее из дипломатов и некоторых политических деятелей в диапазоне от правых либералов до эсеров, было создано в качестве «суррогата» национального представительства для возможного участия в Парижской мирной конференции. Председателем РПС был избран кн. Г. Е. Львов. Из состава РПС была выделена Русская политическая делегация на тот случай, если русские все-таки будут допущены к участию в мирной конференции. В ее состав вошли Г. Е. Львов, В. А. Маклаков, С. Д. Сазонов, Б. В. Савинков и Н. В. Чайковский. РПС была создана в декабре 1918 г. и самораспустилась в июле 1919 г. Русская политическая делегация продолжала функционировать до начала 1920 г. В период с января по май 1920 г. Делегация распоряжалась российскими казенными средствами, находившимися за границей. См. John M. Thompson, *Russia, Bolshevism and Versailles Peace*, Princeton, 1967, p. 66-81; О. В. Будницкий, «Послы несуществующей страны...», с. 57-65; его же, «Дипломаты и деньги», с. 465-474.

29. Н. Б. Щербатов – М. Н. Гирсу, 4 июля 1922 г., Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ), ф. 5680, оп. 1, ед. хр. 19, л. 1.

30. М. Н. Гирс – Н. Б. Щербатову, 21 июля 1922 г., там же, л. 7-7 об.

получении от В. В. Вырубова сумм в том размере, как то показано в отчете³¹.

Отдельно говорилось о расходах на покупку и эксплуатацию имения *Domaine des Maronniers* в департаменте Жиронда в размере 197 644,80 фр., причем подтверждалось, что «как само имение, а также и документы переданы в ведение Земско-Городского комитета»³².

Поиски «земских» денег в США

Земгор не только надеялся на получение средств от Совета послов и других организаций, но и сам предпринимал кое-какие шаги для их добычи. В октябре 1921 года Львов и Т. И. Полнер отправились в США с целью заняться сбором средств и постараться получить деньги, переведенные за океан в период первой мировой войны Всероссийским Земским союзом для обеспечения оплаты заказов.

В 1918 г. на часть этих сумм было наложено судебное запрещение по иску фирмы Гастон, Вильямс и Вигмор в Нью-Йорке в целях обеспечения причитающихся ей платежей. Фирма пыталась получить деньги через местного адвоката, имевшего доверенность от Земского Союза, контролировавшегося большевиками. По сведениям американского консула в Москве фирма получила разрешение на получение со счетов Земсоюза в *National City Bank of New York* \$ 200 000. Представители Земсоюза в США А. Н. Авинов, Р. В. Поляков и Сахновский подали протест, вынудивший банк приостановить платежи. Фирма в свою очередь наложила судебное запрещение на производство каких-либо операций с деньгами, на которые претендовала.

В 1921 г. по предложению фирмы было заключено мировое соглашение. В результате Гастон, Вильямс и Вигмор получили \$ 200 000, а оставшуюся сумму в \$ 247 000 (с процентами – 261 000) банк отказался выдать представителям Земсоюза «ввиду неясности положения в России».

Кроме указанной суммы, на счетах американского казначейства находилось еще £ 11 000 земсоюзных денег. В конце 1917 г. на пароходах «Пауни» и «Вологда» в Россию были отправлены оплаченные Земсоюзом 24 грузовика. Ввиду большевистского переворота их отправили из Белого моря в Англию, где продали по распоряжению английского правительства, а деньги передали американскому представителю в Лондоне. Полякову в

31. Там же, л. 2-3.

32. Там же, л. 6.

казначействе этих денег также не выдали, требуя представления доверенности от Земсоюза именно на эту сумму³³.

Львов и Полнер надеялись убедить National City Bank of New York отпустить Земско-городскому комитету на дело помощи беженцам хранящиеся у него на счету деньги Всероссийского Земского союза. Они намеревались также выяснить возможность привлечения на те же цели денежных средств представителей Земского союза в США. На поездку (они рассчитывали управиться за месяц) Львову и Полнеру было отпущено Земгором 40 000 франков на месяц³⁴.

Посланцы парижского Земгора решили побороться сначала за деньги на счетах правительства, считая, что это может создать прецедент. Львов провел множество встреч на самом высоком уровне, но дело шло к отказу. Однако некий знакомый Львова (вряд ли можно сомневаться, что в деле принял участие Б. А. Бахметев) сообщил о проблеме президенту У. Гардингу и тот направил письмо министру финансов с просьбой решить вопрос. Министр разрешил выдать деньги представителям Земского союза Авинову и Полякову. Неофициально через Бахметева им было сообщено, что выдача может состояться лишь в том случае, если Авинов и Поляков обязуются немедленно передать всю сумму в распоряжение кн. Львова. Не без некоторого сопротивления со стороны Авинова и Полякова заверения от них были получены и 20 января 1922 г. Львов и Полнер перевели в Париж £ 10 000³⁵.

Задача извлечения денег из банка оказалась гораздо сложнее. Сначала Авинов и Поляков не соглашались выдать обязательство о передаче искомой суммы Земско-городскому комитету, ссылаясь на свою ответственность перед будущим законным Земским союзом. К тому времени, когда их удалось уломать, банк получил два протеста от альтернативных русских земских организаций. Один от кн. Щербатова, «председателя Объединения русских земств и городских управлений во Франции». «Решительно протестую против выдачи кн. Львову денег, принадлежащих русскому Земству», – говорилось в его послании. Другой протест прислал Б. Л. Бразоль, председатель Русского Национального Общества в Америке и представитель Берлинских монархических организаций. Он представил протест от 220 земских деятелей, живущих в Сербии и якобы представляющих 34 земства, против «самозванной и вредной для беженцев» деятельности парижского Земгора и в особенности его председателя. Бразоль заявил представителям банка, что выдача Львову земских денег, которых он

33. ГАРФ, ф. 5680, оп. 1, ед. хр. 24а, л. 141-142. Доклад кн. Г. Е. Львова о поездке его и Т. И. Полнера в Америку был прочитан на заседании Общего собрания Земско-городского комитета 7-го апреля 1922 года и издан типографским способом небольшим тиражом с грифом «Не подлежит оглашению».

34. Там же, л. 141.

35. Там же, л. 143-144.

добивается якобы лично для себя, грозит банку процессом со стороны настоящих земских деятелей. Да и сам банк не рвался отдавать деньги. Львов не стал начинать судебный процесс с небольшими шансами на успех. Ему не советовал этого делать и Бахметев считавший, что затевать его не в русских интересах. Он не хотел лишний раз привлекать внимание к посольству, представлявшему несуществующее правительство³⁶. Насколько нам известно, деньги так и остались в National City Bank of New York и теоретически, после исчезновения остальных земских организаций, существующий ныне парижский Земгор является их единственным наследником.

Львова принял президент У. Гардинг, который в ходе получасовой беседы сказал, что Америка никогда не забудет услуг, оказанных ей русским флотом во время гражданской войны между Севером и Югом.

В итоге Львов и Полнер переслали в Париж £ 10 000 и 50 000 франков. С учетом «возвращаемой полностью ассигновки» и собранными дополнительно в США 18 500 франков чистый доход от поездки составил 568 000 фр. Разумеется, решающую роль в успехе заморской экспедиции сыграл Бахметев, не только обеспечивший встречи Львова с нужными людьми, но и взявший на себя большую часть расходов за период пятимесячного (вместо планировавшегося одного) пребывания представителей Земгора в Америке³⁷.

Со своей стороны, Бахметев чрезвычайно высоко оценил деятельность Львова в США. Посол счел, что князь «страшно помог» его работе:

в нем видели символ той будущей России, которая американцам так желательна; он их купил искренностью и широким гуманизмом. В течение нескольких лет я пытался вызвать к активной жизни предположения широкой образовательной, медицинской и прочей помощи; благодаря полному отсутствию людей, неспособности буквально ни одного русского в Нью-Йорке оказать какую-нибудь помощь делу, это не удавалось и вдруг все пошло, зацвело – просто потому, что Львов сумел затронуть необходимые душевные струны³⁸.

Правительство согласилось выдать Львову земсоюзские деньги, как говорили Бахметеву американские чиновники, «под влиянием личного обаяния» князя.

Львов установил огромные, крайне полезные связи в Нью-Йорке. Одним словом, больше помог русскому делу за три месяца здешнего пребывания,

36. Там же, л. 144-144 об.

37. Там же, л. 145. В распоряжении представителей Земского союза в США осталось еще некоторое количество пушнины и 37 000 долл. Но они сочли необходимым сохранить эту сумму для нужд представительства, там же, л. 145 об.

38. «Б. А. Бахметев – В. А. Маклакову, 16 января 1922 г.», «Совершенно лично...», т. 2, с. 159.

чем все русские люди и организации вместе взятые, за все время их прозябания³⁹.

Маклаков оценивал личность и деятельность князя совсем иначе. Он писал в ответ на восторженное письмо Бахметева:

Что он человек честный и, в общем, хороший, которому можно было бы найти место в будущем строительстве России – я не сомневаюсь. Но в характере Львова при всей честности есть много хитрого, скрытного и иногда прямо лживого, он не предает своих друзей, но не стесняется с теми, кого в данный момент считает своими врагами или по крайней мере не считает своими.

Отношения Земгора и Финансового совета испортила, по мнению Маклакова, неискренность Львова и его «непрямая политика». Маклаков досадовал на то, что «тихоня» Львов «обошел» и провел Бахметева, как в свое время умел «обойти» императора Николая II⁴⁰.

«Оскудение» посольской казны. Ликвидация Финансового совета и конец «львовского периода» в Земгоре

Отношения между Финансовым советом и Земгором продолжали оставаться прохладными. Денег становилось все меньше. Впрочем, и наиболее острый момент в положении беженцев остался позади.

14 мая 1923 года Львов направил в Финансовый совет записку, в которой подводил итоги деятельности по обустройству беженцев и формулировал задачи на будущее. С одной стороны, беженские массы в основном были расселены, с другой – Львов констатировал, что помощь в организации предприятий («трудовая помощь»), как правило, заканчивалась ничем, ссуды превращались в безвозвратные субсидии; средства иссякали и т.д. Князь считал, что средства нужно сконцентрировать на наиболее важных и перспективных направлениях.

Львов писал, что

материальное устройство беженцев непосильно для русского фонда и не может привлечь достаточных средств со стороны. Бесспорными для всех, вызывающими всеобщие симпатии задачами оказались задачи не материальной, а духовной поддержки беженцев. Беженская среда осознала необходимость приложить все усилия к тому, чтобы не потерять в эмигрантских условиях остатков русской культуры, чтобы не растерять вслед за утратой материальных ценностей высшие духовные ценности, нужные для родины и служащие вместе с тем единственным источником сил для дальнейшей борьбы за существование, чтобы не потерять, наконец,

39. Там же, с. 159-160.

40. «В. А. Маклаков – Б. А. Бахметеву, 4 марта 1922 г.», там же, с. 194-197.

для родины молодое поколение, юношество и детей, не дать им денационализироваться за долгое вынужденное пребывание за границей⁴¹.

Выводы Львова сводились к следующему: оставшиеся средства следует расходовать таким образом, чтобы это вызывало приток денег «со стороны»; наибольшую отдачу приносит расходование средств на культурно-просветительные цели; «дети и юношество, инвалиды и госпитали в плане устройства беженцев должны занять первое место не только по соображениям гуманитарным, но и с точки зрения национального долга»; необходимо поддерживать достигнутый уровень работы, ибо «всякое понижение в ней понижает приток средств со стороны»⁴². Львов писал:

Указания жизни ясны. Неясными и неопределенными остаются расчеты на русские национальные средства. Здесь нет твердых перспектив, нет не только годового бюджета, зачастую не было даже уверенности за предстоящий месяц, можно ли будет продолжать работу.

Это уже был увесистый камень в огород послов. Председатель Земгора требовал от Финансового совета ясности:

Если Финансовый совет не имеет точных финансовых перспектив и не может определить ни размеров расходования, ни его срока, то организации должны знать об этом заблаговременно, а не накануне прекращения отпуска средств или неожиданных сокращений⁴³.

Очевидно, в связи с запиской Львова Бернацкий подготовил доклад, заслушанный на заседании Финансового совета 2 июня 1923 г. На очередной финансовый год было запланировано передать всем гуманитарным организациям 2 400 000 фр. Основным реципиентом теперь стало Российское общество Красного Креста – 1 200 000 фр. Земгору средства, ввиду их скудности, были выделены только на школьно-просветительную работу (960 000). Земскому союзу⁴⁴ планировалось передать 264 000 (недоставало 24 000, но их собирались покрыть из фонда на сверхсметные расходы), Берлинскому Земгору – 8 000 в месяц за счет прибылей по финансовым операциям, которыми занимались финансовые агенты (игра на бирже, на разнице курсов валют и т.п.). Кроме того, финансовые агенты обязались в течение года «поставить» в распоряжение Финансового совета 150 000 франков на непредвиденные расходы. Земгору решили отпустить деньги пока только на июль, до получения дополнительных сведений о

41. LRA, Zemgor Collection.

42. Там же.

43. Там же.

44. Земский союз выделился из состава Земгора.

продаже типографии «и о предположениях его относительно ликвидации» пресловутого имения для земских служащих в департаменте Жиронда⁴⁵.

Гирс в июле направил также Львову официальное письмо, в котором напоминал, что из 237 500 фр. казенных средств, потраченных Земгором на организацию типографии и издательского дела 100 000 фр. были отпущены 6-го июля 1920 г. Финансовой комиссией именно для этой цели, а 137 500 фр. были неправильно переданы Земгору на это дело В. В. Вырубовым. Недостающая сумма была взята из средств, отпущенных Политической Делегацией на непосредственную помощь беженцам. Отсюда вытекает, – подчеркивал Гирс, – что эта сумма должна быть возвращена Финансовому совету, причем постановление об этом было принято Советом еще 14 августа 1921 г.⁴⁶

Кн. Львов ответил на письмо Гирса почти три месяца спустя. Указывая, что суммы, полученные Земгором от продажи типографии, «как и другие его средства, расходуются исключительно на помощь русским беженцам во Франции», он писал, что осуществление требования Гирса, т.е. возврат Финансовому совету 137 500 франков привело бы к «немедленному финансовому разгрому» Земгора и прекращению его деятельности. «Прекращение деятельности Объединения [земских и городских деятелей – О. Б.], – аргументировал свой отказ вернуть долг председатель Земгора, – нанесло бы большой ущерб и весьма существенный вред интересам русских беженцев». В то же время

все средства Объединения, из каких бы источников они ни получались, находятся на учете Земско-Городского комитета, всегда принимаются последним во внимание при определении ассигнований на помощь беженцам во Франции, а сметы расходов на эту помощь представляются Финансовому совету.

Такой порядок Львов предлагал оставить. Из прилагаемой справки следовало, что из 230 000 франков, причитавшихся Земгору за типографию, на 1 ноября 1923 г. было получено 126 588 франков, причем 37 208,82 пошло на уплату долга, а Объединению досталось 89 379,18 фр, из которых было израсходовано на нужды беженцев 83 084,83, а осталось в наличии 6 294,35. Т.е. взять с Земгора в тот момент было нечего⁴⁷.

Год спустя после утверждения сметы на 1923-1924 год Финансовый совет был ликвидирован. Состоявшееся 26 июня 1924 совместное заседание Сопровождающих послов и финансовых агентов при участии Гирса, Маклакова, К. К. Миллера, Новицкого и Угета, а также Бернацкого, констатировав

45. Протокол заседания Финансового совета № 75 от 2 июня 1923 г., LRA, Zemgor Collection.

46. «М. Н. Гирс – Г. Е. Львову, 27 июля 1923 г.», там же.

47. Г. Е. Львов – М. Н. Гирсу, 9 ноября 1923 г., Hoover Institution Archives, Girs Collection. 49-5.

истощение средств Финансового совета (оставалось 300 000 франков), приняло решение о прекращении его деятельности. Финансовый совет функционировал, как нам удалось установить, с 8 февраля 1921 по 14 июня 1924 г. Всего было проведено 95 заседаний, на которых принимались решения о выделении средств на те или иные нужды.

За время деятельности Финансового совета им было ассигновано различным организациям (прежде всего Земгору и Красному Кресту) и израсходовано непосредственно £ 388 999,11,1 и 3 860 742 франка. Сюда не включены суммы, переведенные из США целевым назначением на расселение армии на Балканах. Наибольшие суммы пошли на нужды беженцев – £ 246 814,10,0 и 3 832 562 франка; на нужды эвакуированной армии и на помощь воинским чинам – £ 103 275,9,4 (без учета сумм, переведенных Бахметевым и Угетом целевым назначением) и 25 180 франков⁴⁸.

Как всегда бывает в тех случаях, когда денег мало, на них претендуют разные лица и организации, расходы нередко производятся в спешке, не выработаны четкие правила использования средств и отчетности, да к тому же причастные к этому люди придерживаются разных политических взглядов – возникает множество недоразумений, обид, взаимного недопонимания и обвинений. Маклаков признавался главному спонсору Финансового совета Бахметеву:

Ошибки, конечно, были. Вы не один раз правильно нас за них упрекали; наша безбюджетность, доверчивость к учреждениям, которым давали деньги, – все это ошибочные шаги, в которых повинен и я; если бы надо было в них оправдываться, я мог бы привести только психологические оправдания; в то время, когда мы начали расходование этих денег, никто не представлял, что мы будем жить только на эти деньги, и будем жить на них более года; все рассчитывали на иные получки и уверены были, что не пройдет нескольких месяцев, как наша деятельность прекратится. Один Земский союз поэтому представлял нам сметы, которые за один месяц превышали годичный бюджет. Несоответствие между тем, что надо было тратить, и тем, что у нас имелось, было столь разительно, что мы жили в атмосфере назревающего краха, когда вперед не заглядывают⁴⁹.

При всех ошибках и недостатках в деятельности благотворительных организаций они, несомненно, способствовали адаптации (а иногда и просто выживанию) беженцев. В начале марта 1925 года «более незаметно, чем это следовало», по словам Маклакова, прошла смерть князя Львова. «На похоронах Львова, – писал Маклаков Бахметеву, – сказались все-таки результаты того одиночества, в котором он жил последнее время, и той травмы, которой он подвергался. Это сказалось и в нелепой речи

48. Выписка из Протокола № 95 заседания Финансового совета 14 июня 1924, там же.

49. «В. А. Маклаков – Б. А. Бахметеву, 25 апреля 1922 г.», *«Совершенно лично...»*, т. 2, с. 273-274.

митрополита, который счел нужным как будто защищать его от нападков, говоря, что судить его будет Бог»⁵⁰. Бахметев отозвался:

Я никак не могу понять людей, которые на него нападают и которые с такой жестокостью травили его. Его недостатки или, вернее, отсутствие разных действенных качеств ни для кого не были секретом; меньше всего для него самого. За всем тем в нем было много, чего я по крайней мере не знаю ни в ком другом. Он был самый русский из всех русских людей, которых я знаю⁵¹.

«Львовский» период Земгора кончился.

Ликвидация Финансового совета не означала отказа дипломатов от посильной поддержки деятельности гуманитарных организаций. По предложению финансовых агентов была создана Финансовая комиссия, которая должна была распределять средства, предоставляемые на гуманитарные нужды. В состав Финансовой комиссии вошли реальные держатели остатков государственных средств – финансовые агенты Угет, Новицкий и Миллер, а также заведующий контролем Савич. Председателем комиссии стал Бернацкий. Комиссия должна была действовать под общим руководством Совещания послов и представлять ему периодические отчеты. Смысл перемен заключался в том, что от участия в распределении средств отстранялись общественные организации. Теперь деньги предоставлялись им не «огульно», а под конкретные проекты. Прекращалось финансирование административных расходов гуманитарных организаций. На гуманитарные нужды в период с 1 июля 1924 по 1 июля 1925 ассигновалось £ 12 000⁵².

В дальнейшем – что выходит за рамки нашей статьи – ручеек финансовой помощи гуманитарным организациям, истоком которого служили остатки российских государственных средств, постепенно мелел, но не иссякал на протяжении последующих трех десятилетий.

*Российская Академия наук
Институт российской истории*

obud@mail.ru

50. «В. А. Маклаков – Б. А. Бахметеву, 13 марта 1925 г.», «Совершенно лично...», т. 3, с. 228-229.

51. «Б. А. Бахметев – В. А. Маклакову, 30 марта 1925 г.», там же, с. 230.

52. LRA, Zemgor Collection.